

РУСТАМ КСЕНОФОНТОВ

ПЛЕН

ВЗГЛЯНИ НА ЖИЗНЬ СО СТОРОНЫ

Рустам Ксенофонтов

**ПЛЕН. Взгляни
на жизнь со стороны**

«Издательские решения»

Ксенофонтов Р.

ПЛЕН. Взгляни на жизнь со стороны / Р. Ксенофонтов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-538434-8

Если представить себе условия, в которых жизнь имеет очень низкую ценность, то те проблемы, которые омрачают наше существование в данный момент, покажутся маленькими и незначительными, правда? Так почему же мы уделяем им столько внимания, что зачастую вокруг них, этих проблем, и строим всю свою жизнь? Рассказанная в книге история поможет снизить значимость беспокоящих вас ситуаций. А еще она научит ценить те прекрасные моменты, которые преподносит жизнь.

ISBN 978-5-00-538434-8

© Ксенофонтов Р.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Глава I. Казарма	7
Глава II. Методы Шпицера	9
Глава III. Новая запись в дневнике	10
Глава IV. Знакомство с тираном	11
Глава V. Тинс и Лиля	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

ПЛЕН

Взгляни на жизнь со стороны

Рустам Ксенофонов

© Рустам Ксенофонов, 2021

ISBN 978-5-0053-8434-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Дорогие друзья!

В данной книге я постарался продемонстрировать вам человеческую жизнь в тех условиях, в которых она имеет минимальную ценность. Когда осознаешь, что подобное нередко происходило на самом деле, во время войны и локальных боевых действий, – то становится страшно: тяжело даже просто представлять эти условия, не говоря уже о том, чтобы выживать в них.

Впрочем, цель этой книги – не напугать читателя, нет, а показать, что жизнь прекрасна несмотря на проблемы и трудности, которые не слишком значительны по сравнению с тем, какие по-настоящему чудесные вещи нас окружают.

Я хочу, чтобы вы, читая «Плен», попробовали переоценить все то, что происходит в вашей жизни, а также ответили на вопрос, действительно ли окружающая действительность настолько кошмарна, что может лишить вас жизненного комфорта? Настолько ли ужасные трудности перед вами стоят, настолько ли неразрешимы ваши проблемы?

Когда перед нашим внутренним взором стоит образ людей, претерпевающих по-настоящему страшные лишения, то наши чрезмерные эмоции отходят в сторону, и мы начинаем смотреть на собственные проблемы более трезво.

Занимаясь вопросами повышения эмоционального интеллекта, я понял, насколько важным является своевременное смещение фокуса внимания. Вас может много лет останавливать «А вдруг...?», то есть страх свершений, который без наличия реально подтвержденных угроз приводит только к накручиванию себя, – но если вы будете задавать себе этот вопрос так, чтобы он вызывал у вас не ужас, а интерес попробовать что-то, то вы выиграете от этого гораздо больше, нежели проиграете. Если вы спрашиваете себя: «А вдруг украдут мои сбережения/не оценит начальник/откажет любимая женщина», то ответьте себе «Вот и посмотрим, к чему это приведет!». Попробуйте, принятие любого варианта развития событий действительно работает!

Возвращаясь к книге, хочу сказать лишь одно: если вы захотите оставить свой отзыв или задать интересующий вас вопрос, – напишите мне на почту russcom@gmail.ru или в директ инстаграмма @russcom. Я буду очень рад вашему письму! Приятного чтения, и до встречи на страницах моих книг и на просторах интернета!

С уважением и благодарностью за выбор этой книги,

Рустам Ксенофонов.

Глава I. Казарма

Опять эта холодная дрожь... она никак меня не отпускает. Особенно сильно дрожь докучает ранним утром: это для нее особенно щедрое время. Сворачиваешься клубком, закутываешься в пальто, но никакие ухищрения не спасают от холода, ведь щели между досками, на которых приходится лежать, вытягивают из тела все собранное по крохам тепло. Немного согревают воспоминания о тех временах, когда можно было спать в мягкой постели, мыться в ванной, наполненной горячей водой... От этих воспоминаний становится чуть теплее, и дрожь ненадолго отступает; правда, стоит только вернуться к реальности и вспомнить, где находишься в данный момент, – и дрожь начинает донимать с новой силой.

Живя в достатке, человек воспринимает и теплую постель, и полный еды холодильник как норму, как естественный ход вещей; но стоит лишиться чего-то привычного, как оно сразу же приобретает большую ценность. Если же потом удастся вернуться к нормальной жизни, то вскоре все, ставшее наконец доступным, быстро перестает быть пределом мечтаний и превращается во что-то будничное, такое, что даже не хочется обсуждать. Это осознавали многие обитатели лагеря, которые еще не перестали мечтать о том, что когда-нибудь их положение изменится.

Сколько еще продлится плен? Когда можно будет вернуться в свои дома? Как выжить в жестких условиях лагеря? Вот вопросы, которые больше всего волновали пленников, – тех, кто еще не сломался. Всем было страшно, и слезы текли рекой, но в открытую плакать было нельзя, и все делали это настолько тихо, насколько могли. Тех, кто не плакал совсем, в лагере попросту не было.

Часов здесь никто не носил, но все ориентировались в лагерном распорядке и без них, ведь график жизни в лагере всегда был одинаков и никогда не нарушался. Утром, например, проводились пробудка, построение и распределение по рабочим местам, и эти процедуры стали привычными для всех, кто провел здесь больше одного месяца.

Начальник лагеря по-своему был неплох; считалось, что бывают и хуже. По крайней мере, он довольно лояльно относился к пленным и жестко пресекал всяческий беспредел, который, по слухам, был нормой в других лагерях. В то же время начальник был нетерпим к тем, кто нарушал режим подведомственной ему территории, и не щадил никого, кто был замечен в этом, и потому пленные, услышав сигнал пробудки, никогда не мешкали, да и вообще в большинстве своем были готовы делать все, что велят военные.

«Меня зовут Тинс. Я попал в этот лагерь так же, как и все остальные: военные заняли наш город и захватили всех его жителей в плен, чтобы использовать их в качестве рабочей силы. А рабочих им требовалось немало: на заводы по изготовлению оружия и запчастей, в мастерские, в пошивочные цеха, наконец, на объекты по производству продуктов питания...

До того, как стать пленным, я работал на ферме, как и многие другие люди из числа горожан. Мы производили молочные продукты, которых хватало на то, чтобы удовлетворить нужды не только нашего города, но и соседнего, расположенного в тридцати километрах от нас.

Мне нравилась моя жизнь. За свои двадцать восемь лет я никогда не голодал, ведь в доме всегда было с избытком и свежих овощей, и молока, и мяса. Жены и детей у меня никогда не имелось; на протяжении пяти лет я состоял в отношениях с девушкой, но расстался с ней около года назад. И это было к лучшему: будь мы все еще вместе, то у меня сейчас добавился бы еще один повод для волнений – как она, где она, что с ней... Незадолго до военного конфликта она переехала, но куда, я не знаю. Надеюсь, что у нее все хорошо и она в безопасности.

Когда я только попал в лагерь, то очень удивился, почти не встретив знакомых лиц. Как оказалось, военные распределяли пленных таким образом, чтобы минимизировать вероятность их объединения в группы: они отправляли земляков и родственников в разные лагеря, отрезая их друг от друга и тем самым защищая себя от потенциально возможного бунта.

В моей казарме находилось несколько человек, которых я знал еще до плена, но мы старались никак не показывать, что знакомы: в лагере было много «стукачей», в обязанности которых входило выявление тех, кто в будущем мог образовать какую-либо группу. Поэтому общались мы крайне редко, но все равно присутствие «своих» грело душу, позволяя чувствовать, что я здесь не один, что есть кто-то если не родной, то хотя бы чуточку близкий. Это было единственным лучиком света в окружающей тьме, и позволяло отвлечься от мрачных мыслей о том, на какой срок затянется и чем вообще кончится вся эта история с пленом.

Казарма, где я сейчас жил, представляла собой бывшую животноводческую ферму: там, где раньше обитали коровы и козы, сейчас были устроены двухъярусные нары. Матрасов на них не было – мы обходились соломой, которая не давала особого тепла, а накрываться приходилось собственным пальто, если, конечно, оно имелось.

В нашей казарме размещалось около двухсот человек. Кормили здесь самой простой и доступной едой: овсянкой, хлебом и водой. Иногда давали чай с сахаром, и это был настоящий праздник. Мылись раз в неделю в специальных моечных, которые вообще-то были устроены для крупно рогатого скота, а теперь принимали нас, людей. В моечные загоняли сразу по тридцать человек: эсэцинов – в один день, мужчин – в другой.

Самое удивительное, что даже в таких условиях была своя романтика, которую никогда не почувствуешь в обычной жизни. Но, будь моя воля, я бы обошелся без всего этого – и без такой романтики, и без подобных воспоминаний.

Территория фермы была разделена на квадраты, отгороженные друг от друга забором и колючей проволокой. Всего таких квадратов было восемь, и в каждом располагались мужская и женская казармы. На построение все пленные выходили вместе, и выстраивались рядами на разных площадках, расположенных в метре друг от друга. Военные осматривали людей, убеждались, что все на месте, и распределяли их по рабочим местам.

Чем мы занимались? Заготавливали сено в поле, работали на кухне, обслуживали конвейеры трех заводов, – да много разного, нам не давали бездельничать. Помимо прочего, нам приходилось также хоронить умерших – тех, кто погибал от различных болезней либо от наказаний, на которые военные были очень щедры. Можно сказать, что плеть и хлыст были главными их аргументами в решении любых вопросов. За что наказывали? Ну, всего и не перечислить. Вообще я сам ни разу не подвергался наказанию: лагерное начальство считало меня исполнительным, «рукастым», и относилось ко мне вполне лояльно.

Лагерная жизнь шла своим чередом, и я даже как-то привык к ней. Но все изменилось, когда начальнику нашего лагеря пришлось уехать и на смену ему прислали временно исполняющее обязанности должностное лицо. И тогда каждый, каждый в лагере понял, что война – самое страшное испытание для человека».

Все это Тинс написал на листе оберточной бумаги огрызком карандаша: этими богатствами он разжился на заводе и был очень доволен, что теперь может зафиксировать свои воспоминания, не полагаясь на одну только память.

Глава II. Методы Шпицера

Новый временный начальник лагеря для пленных – Шпицер – наводил ужас не только на пленных, но и на самих военных, работавших в лагере. Тех, кто был ниже его по должности, он ни в грош не ставил, поливая презрением и не стесняясь обращаться в самых грубых выражениях, а перед вышестоящими лицами лебезил, стараясь угодить и подольститься. Казалось, что Шпицер был просто-таки средоточием самых неприятных человеческих качеств; будь он простым человеком, то, возможно, постарался бы от некоторых из них избавиться, либо спился бы, нагруженный массой комплексов и страхов, – но у него в руках находилась власть, и он стал для всех настоящим олицетворением зла.

Заняв новую должность, Шпицер некоторое время присматривался и не проявлял жестокий нрав, но быстро понял, что здесь он может вести себя фактически безнаказанно, и выпустил на волю всех своих демонов. И началось все с первого же построения.

Раньше, до прихода Шпицера, построение шло поэтапно: люди выходили одновременно и военные проверяли, что все на месте, а потом распределяли по рабочим местам в соответствии с заранее заготовленным списком. Такое построение занимало не слишком много времени и было очень эффективным.

В этот день все было иначе. Шпицер шел от одного блока к другому, представлялся и говорил пламенную речь, суть которой сводилась к следующему: пленным крайне повезло иметь еду, работу и место для сна, но они этого не ценят, нарушают режим и тем самым очень сильно расстраивают своего нового лагерного главу. А потом он сказал то, от чего у пленных подкосились колени:

– Вас придется научить послушанию. Поэтому прямо сейчас я выберу по из каждого блока по человеку, которому прострелю голову.

Слова у Шпицера не расходились с делом. По его приказу военные вытаскивали пленника, на которого он указывал, и Шпицер одним выстрелом разносил ему череп. Так новый лагерный глава обошел все блоки, оставляя после себя ошарашенную тишину и мертвые тела, к которым боялись подойти даже военные. Все были очень напуганы, и Шпицер просто-таки упивался ощущением собственного всемогущества, чувствуя витающий в воздухе липкий запах животного страха.

Как только обход закончился, Шпицер отправился в офицерскую столовую и спокойно позавтракал жареным мясом. Позднее он планировал обойти рабочие места пленных и посмотреть, что там происходит, а пока решил немного передохнуть.

Глава III. Новая запись в дневнике

«Это был самый страшный день в моей жизни. Впрочем, он наверняка был таким для всех, кто увидел тот утренний обход.

Люди, которых тогда застрелил Шпицер, не являлись моими друзьями, – я почти не знал их, кроме одного парня, с которым нас распределили на один завод.

Было отобрано столько жизней, но для чего? Чтобы просто показать, чем чревато неповиновение!.. Ведь все происходило даже не на поле боя, и убивал Шпицер не солдат, а беззащитных людей, не испытывая при этом ни капли жалости, просто смеясь умирающим в лицо!..»

Тинс записал это на очередном обрывке бумаги, который потом убрал поглубже в карман. Остальные листы его дневника были аккуратно свернуты, вставлены в щели между досками и закрыты соломой так, чтобы никто не мог их случайно заметить.

Осознание новой реальности ошарашило всех пленных. До того страшного утра в лагере тоже жилось несладко, но, чтобы у всех на глазах убивали случайно выбранных людей, а убийца всем своим видом демонстрировал то, как он упивается страхом пленных, – такое произошло впервые. Если раньше пребывание в лагере казалось временным и люди были настроены оптимистично, будучи уверенными в том, что когда-нибудь жизнь вернется на круги своя, то теперь все сомневались в том, что это когда-нибудь произойдет.

Во время своего обхода Шпицер призвал пленных справиться с чувствами и по мере сил приспособиться к ситуации, вести себя так, чтобы ничем не навлечь на себя наказание. Было ясно, что первостепенной задачей людей теперь станет выживание, а все остальные интересы уйдут далеко на задний план, ведь Шпицер строго запретил любые социальные контакты, действия... и даже эмоции. Теперь нельзя было ни смеяться, ни улыбаться: Шпицер говорил, что если на лице пленного улыбка, то это значит, что он не боится действующего режима и может вынашивать мысль о побеге или перевороте. Жестоко карались теперь и разговоры, потому что новый лагерный начальник расценивал их как попытку сговора.

В лагере воцарилась зловещая тишина. Казалось, что мир превратился в какое-то немое кино, причем крайне драматичное, в котором не стоит ждать счастливого конца.

Когда военные пришли распределять людей по рабочим местам, они молчали. Пленные тоже не решались подавать голос. Каждый знал, что до конца дня еще далеко, и со страхом ждал новой встречи со Шпицером.

Наступил полдень, и начальник лагеря отправился осматривать рабочие места. Настроение у него было приподнятым, и он, зашнуровывая тяжелые кожаные ботинки, даже насвистывал себе под нос какой-то популярный мотивчик.

Глава IV. Знакомство с тираном

Шпицер был человеком небольшого роста, от чего сильно комплексовал, и, чтобы казаться выше, носил обувь на каблуке. Детство его прошло в очень суровых условиях; отец наказывал маленького мальчика по поводу и без него, и если видел, что у того на глазах выступают слезы, то впадал в ярость и избивал ребенка до тех пор, пока тот не затихал в ужасе.

Детство научило Шпицера был скрытным, никому не показывать свои эмоции, а также добиваться собственных целей хитростью и интригами. Последнее он перенял от матери, которая сыном особо не занималась, а все эти качества проявляла, вытягивая деньги из своего обеспеченного мужа. Тот был падок на лесть и относился к жене довольно щедро, но на сына его щедрость никак не распространялась.

Повзрослев, Шпицер ушел в военное училище, в котором и остался на долгие годы. Сначала он там учился, потом работал, начав с секретаря и вскоре пробившись в начальники. В военных действиях он никогда не участвовал, да и не рвался: ему больше нравилось плести подковерные интриги и добиваться желаемого при помощи обмана и лести.

Учеба в военном училище только усилила его склонность к жестокости. Тем, кто работал с ним рядом, казалось, что он упивается чужой болью, что он буквально питается ей. Но со временем аппетита Шпицера росли, и если сначала ему достаточно было просто накричать на того, кто был младше по званию, то вскоре ему перестали приносить удовлетворение и более жестокие действия, а еще через некоторое время он понял, что наслаждается только одним: убийством, и желательно – осуществляемым на глазах у других людей.

Но вернемся в лагерь. Итак, Шпицер обошел все рабочие места и увидел, что там все функционирует достаточно четко и продуманно. Вмешиваться он ни во что не стал, так как здесь его полномочия делились с заводскими начальниками, и ему не хотелось наживать среди них врагов, убивая их подопечных. Шпицер, который отличался не только жестокостью, но и дальновидностью, справедливо опасался, что руководители заводов могут пожаловаться вышестоящим чинам. Шпицер проблем не хотел, да и на заводы ему было плевать с высокой колокольни, поэтому он все оставил по-прежнему.

После обхода он вернулся к себе и хорошо поужинал, после чего открыл бутылку вина и взял со своего стола книгу. Он любил читать о великих полководцах, представляя себя равным им; в этих персонажах его привлекало то, что они руководствовались лозунгом «Цель оправдывает средства», с которым он был совершенно согласен. Шпицер вообще гордился своей беспринципностью: где надо, мог подмазать, наврать, написать анонимный донос, и во многом именно это и помогало ему быстро шагать по карьерной лестнице.

Глава V. Тинс и Лила

На следующий день Тинс вышел на построение и занял свое место одним из первых; как и остальные, он не знал, чего ждать от нового утра, и потому старался следовать всем правилам.

Удивительно, но начало дня прошло достаточно спокойно, – по большей части из-за того, что приехало высшее военное руководство. Большое начальство осматривало лагерь, не оставляя своим вниманием воинский состав, который в нем командовал, и Шпицер хотел показать себя с лучшей стороны. Этим утром он был не жестоким тираном, а, скорее, суровым, но справедливым наставником, и благодаря этому просто-таки купался в лучах одобрения от вышестоящих чинов.

Построение прошло конструктивно: пленных пересчитали и распределили по объектам в рандомном порядке, так как все работы, на которые отправляли заключенных в лагере людей, были простыми, что позволяло заменять одного сотрудника на любого другого без какой-либо дополнительной подготовки. Впрочем, несколько человек изо дня в день выходили на одни и те же рабочие места; к ним, конечно, было гораздо более лояльное, нежели к другим пленным, отношение, – они жили в маленьких бараках, отдельно от остальных, спали на настоящих матрасах и получали совсем другую еду, нежели «простые» арестанты

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.